

 ORIENTALIA
ET CLASSICA

Содержание

Предисловие..... 9

Борис Львович Рифтин: синолог, фольклорист, филолог

С.Ю. Неклюдов, И.С. Смирнов

Академик синологии 15

Тан Мэн Вэй

Вклад академика Б.Л. Рифтина в развитие на Тайване
типологических фольклористических исследований
и синологии..... 24

Восток — Запад: диалог культур

Е.К. Симонова-Гудзенко

Символика в картине Сиба Ко:кан (1738/1747–1818)
«Встреча трех мудрецов Японии, Китая и Запада» 33

М.В. Грачев

Становление «политического мифа»
в японских исторических источниках
второй половины VIII — начала IX в.:
чужестранцы в оценке людей государева двора 61

К.М. Тертицкий

И.А. Крылов и переводы китайских текстов
в журнале «Атеней» (1828–1829) 81

Религиозные тексты и практики

И.В. Белая

Мифопоэтический язык как средство
описания даосских методов совершенствования
в стихотворениях Сунь Бу-эр..... 99

<i>П.Д. Ленков</i>	
Буддийское и даосское в сотериологии позднего даосизма: Тело Закона (<i>дхармака</i>) (по материалам <i>Лун мэнь синь фа</i> , XVII в.)	119
<i>В.М. Майоров</i>	
Тайваньские книги добра на историческом фоне « <i>Мин синь бао цзянь</i> »	132
К.Г. Маранджян	
Буддийская практика «медитации над девятью этапами смерти» (<i>Кусо:кан 九相觀</i>) и ее репрезентации в японской культуре	146
<i>Н.А. Чеснокова</i>	
«Толкователи знаков» и их роль в строительстве корейской государственности: Корё (918–1392) и Чосон (1392–1897).....	161
Народные верования: культы, обряды, гадания	
<i>Е.В. Гордиенко</i>	
Современные устные интерпретации повествований о духах во Вьетнаме по материалам полевых исследований культа духов-покровителей общин (<i>тханьхоанг</i>).....	183
<i>А.Д. Цендина</i>	
Гадательные практики монголов	199
<i>Ж.М. Юша</i>	
Обряд освящения обо (<i>оваа дагыры</i>) в культуре тувинцев Китая.....	207
Литературные жанры и фольклорные сюжеты	
<i>О.М. Мазо</i>	
О непростой судьбе почтительного сына Дин Ланя	223
<i>Б.Ю. Сенглеев</i>	
Описание поединка в преданиях о Мазан-батыре: эпические параллели	248
<i>А.Б. Старостина</i>	
Благодарный мертвец как сват: к вопросу о миграции сюжетов	267

Л.В. Стеженская

Два жанра диалога в освещении средневекового
китайского теоретика литературы Лю Се281

Традиции в современном мире

В.Б. Виноградская

«Маленький монах Ичань» и «бульон
для души» — концепты, запросы и контент
в китайском интернете297

Е.В. Волчкова

Лисица, свинья и кролик: божества-покровители
в приворотной магии современного Тайваня.....312

Р.С. Лашин

Май Цзя — некитайский китайский писатель:
генезис жанра шпионского романа
на китайском языке.....331

Об авторах.....345

Abstracts.....348

Contents364

Предисловие

Мы представляем заинтересованному читателю коллективную монографию, замысел которой призван отразить многообразие исследовательских направлений — как локальных, так и междисциплинарных — видного отечественного ученого, академика РАН Б.Л. Рифтина. Потребовалось много усилий авторов разных поколений, профессиональной выучки, таланта, наконец, чтобы в весьма приблизительной полноте представить редкую многоликость его научных устремлений — тематическую, хронологическую, географическую.

Для того чтобы оценить масштабность задачи, достаточно ознакомиться с первым разделом книги, в котором коллеги, друзья, ученики Б.Л. Рифтина рассказывают о его научной судьбе. Статья С.Ю. Неклюдова и И.С. Смирнова, при всей ее краткости и эскизности, — самый полный на сегодня очерк сделанного Б.Л. Рифтиным в науке. Тан Мэн Вэй дополняет ее «тайваньским эпизодом» в жизни ученого: несколько лет Борис Львович провёл на острове, занимаясь полевыми исследованиями фольклора коренных народностей и бытующих там различных версий легенды о Гуань-гуне. Благодаря любезности С.Ю. Неклюдова раздел дополнен уникальными фотографиями из его личного архива, запечатлевшими в том числе Б.Л. Рифтина, неоднократно в 70-е годы ездившего в экспедиции в Монголию.

Второй раздел посвящен восприятию и осмыслению иных культур как на Востоке, так и на Западе, а также неизбежной трансформации, которой подвергается в ходе этого процесса чужая традиция. Диалог культур Японии, Китая и Запада анализирует Е.К. Симонова-Гудзенко на примере символически насыщенного и наполненного аллегориями свитка японского художника XVIII в. Сибя Ко:кан. Искаженная интерпретация дипломатической практики при дворе китайского императора эпохи Тан, как демонстрирует в своей статье М.В. Грачев, легла

в основу складывавшегося политического мифа об исключительности японской империи. В свою очередь, формирование образа Китая в России в первой половине XIX в., как показывает статья К.М. Тертицкого, происходило в том числе через фильтр переводов на западные языки и отражало структуру интересов образованной части российского общества.

В третьем разделе речь идет не только об институциональных религиях — даосизме и буддизме, — но и о придворных гаданиях, не относящихся непосредственно к таким религиям, а также о современных тайваньских «книгах добра» (*шань шу*), которые существуют на периферии поля народных религий. Обе статьи о даосизме посвящены разным этапам развития школы Цюаньчжэнь. И.В. Белая исследует мифопоэтическую образность стихотворений даосской наставницы XII в. Сунь Бу-эр, входившей в число основателей этой школы. П.Д. Ленков разбирает некоторые проблемы интеграции буддийских элементов в сотериологию той же школы на материале трактата XVII в. «*Лун мэнь синь фа*». В статье К.Г. Маранджян дана характеристика японскому изобразительному жанру, начало которому положила буддийская практика «медитации над девятью этапами смерти», а также рассмотрена традиция поэтических текстов, связанных с этим жанром. Исследование Н.А. Чесноковой освещает роль придворных гадателей («толкователей знаков»), специалистов в области «теории о ветрах и водах», в сакрализации власти монарха в средневековой Корее. В.М. Майоров сравнивает современные «книги добра», ходящие на Тайване, с принадлежащим к тому же жанру памятником XIV в. «*Мин синь бао цзянь*», прекратившим циркуляцию в материковом Китае, но оставшимся востребованным в других странах региона, и приходит к выводу о том, что из «побуждающих к добру» сочинений преимущественно секулярного содержания *шаньшу* трансформировались в религиозные тексты.

В четвертом разделе собраны исследования, посвященные актуально-мифологическим представлениям, отраженным в повествовательных и ритуальных практиках народов Вьетнама, Монголии и Китая. В материалах Е.В. Гордиенко и Ж.М. Юша рассмотрены современные культы локальных духов, связанных с родовыми и общинными традициями. Е.В. Гордиенко уделяет большее внимание устным дискурсивным практикам

и анализу интерпретационных моделей повествований о духах-покровителях общин (*тханьхоанг*) во Вьетнаме. Исследование Ж.М. Юша сосредоточено на рассмотрении и анализе обрядовой практики освящения ритуальных сооружений (*обо*) у современных тувинцев Китая. В статье А.Д. Цендиной рассматриваются гадательные практики монголов, известные по письменным источникам. Особое внимание в работе уделено анализу переводного памятника «Нефритовая шкатулка», чрезвычайно популярного в монгольской среде в XIX в.

В пятом разделе, посвященном литературе и фольклору, рассматриваются особенности китайских литературных жанров, фольклорные сюжеты народов Китая и особенности калмыцкого эпоса. Китайской словесности посвящена статья Л.В. Стеженской. Автор подробно разбирает жанровые особенности диалогов *дуйвэнь* (ответ на вопрос) и *дуй* (экзаменационный ответ на вопрос, заданный в специальном императорском эдикте), описанных в средневековом трактате Лю Се «*Вэнь синь дяо лун*». В статьях по китайскому фольклору рассмотрено взаимодействие с инокультурными сюжетами. А.Б. Старостина, анализируя рассказ «Моу Ин» из средневекового сборника «*Сяо Сян лу*» («Записи с берегов рек Сяо и Сян»), показывает, что в нем впервые зафиксирован сюжет о свате-мертвце, пришедший в Китай с Запада. В статье О.М. Мазо обсуждаются варианты нарративов о почтительном сыне Дин Лане в различных регионах Китая, а также их связи с сюжетами преданий *ицзу* и *лаху*. Б.Ю. Сенглеев исследует сюжет и структуру описаний поединков героя калмыцкого исторического фольклора Мазан-батара и сравнивает их с другими эпическими традициями.

Последний раздел исследует проблему преломления классических жанров, верований и традиций в современном мире с его новыми запросами и средствами выражения. В.Б. Виноградская анализирует популярный продукт китайских «новых медиа» в стиле «куриный бульон для души» и возводит его к традициям дидактических сочинений, афоризмов «чистых бесед» и чань-буддийских притч. В статье Е.В. Волчковой рассматривается трансформация культов божеств-покровителей приворотной магии в контексте эволюции народной религиозной традиции современного Тайваня. Р.С. Лашин на основании творчества писателя Май Цзя показывает, как в Китае был переизобретен

жанр шпионского романа, синтезировавший западную литературную традицию с элементами жанра «красной классики» и отражающий растущий в китайском обществе спрос на патристическую героику.

Творчество Б.Л. Рифтина вдохновляет на продолжение разработки начатых им тем. В числе результатов этой деятельности — основание регулярной международной конференции «Рифтинские чтения», а также издание данной коллективной монографии, которую можно назвать продолжением фestsриф-та к 75-летию академика Б.Л. Рифтина «Китай и окрестности: мифология, фольклор, литература» (2010).

*Е.В. Волчкова, О.М. Мазо, И.С. Смирнов,
А.А. Соловьева, А.Б. Старостина*

БОРИС ЛЬВОВИЧ РИФТИН:
СИНОЛОГ, ФОЛЬКЛОРИСТ,
ФИЛОЛОГ

Академик синологии

*С.Ю. Неклюдов,
И.С. Смирнов*

Б.Л. Рифтин (1932–2012) — известный отечественный китаевед, доктор наук, академик РАН. Статья посвящена основным направлениям его научной деятельности, в частности вкладу в изучение китайских классических романов, китайской и монгольской устной сказовых традиций, китайской мифологии, мифологии аборигенов Тайваня, дунганского фольклора, китайского лубка (*няньхуа*) и истории русского китаеведения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Б.Л. Рифтин, российская синология, китайский фольклор, китайская литература

В гуманитарном знании есть области, редко посещаемые исследователями. Это не значит, что они хорошо изучены или малозначительны для культуры (и мировой, и национальной); зачастую дело обстоит как раз противоположным образом. Причина невнимания к ним обычно обусловлена инерцией научной традиции, которая следует когда-то сложившимся приоритетам и не испытывает потребности в их корректировке. Положение специалистов в данных областях двойственно: с одной стороны, их уникальность несомненна и, как правило, признается научным сообществом, но с другой — такой специалист не может не испытывать своего рода «научного одиночества», обусловленного дефицитом диалогических отношений с коллегами, не владеющими или не интересующимися его предметом.

Подобным предметом является китайский фольклор. Отношение к культуре Китая почти исключительно как к письменной привело к тому, что тексты китайской устной словесности (на самом деле чрезвычайно обширной), как и вообще народные традиции Китая, изучались относительно мало — во всяком случае, за пределами своей страны. Специалисты в данной области

чрезвычайно редки, за долгие годы востоковедческих занятий нам посчастливилось встретить (опять-таки за пределами Китая) лишь одного китаеведа-фольклориста — Бориса Львовича Рифтина (нынче, трудами его учеников, ситуация несколько улучшилась), хотя, конечно, синологическая квалификация этого замечательного ученого подобным определением отнюдь не исчерпывается.

Область научных исследований Б.Л. Рифтина — китайский классический роман и устная сказовая традиция, дунганский фольклор и китайское народное искусство, китайская мифология и мифология аборигенов Тайваня, взаимосвязи литератур Дальнего Востока (особенно китайско-монгольские литературно-фольклорные взаимосвязи) и история русского китаеведения. Он — автор нескольких сотен печатных работ, многие из которых опубликованы на китайском, японском, вьетнамском, английском и немецком языках.

Б.Л. Рифтин (по-китайски Ли Фу-цин 李福清), доктор филологических наук, академик РАН, родился в 1932 г. Ленинграде, в 1955 г. окончил китайское отделение Восточного факультета Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) университета, а после окончания университета переехал в Москву и в феврале 1956 г. поступил научным сотрудником в Институт мировой литературы АН СССР. Здесь он и работал более пятидесяти пяти лет, пройдя все ступени научной иерархии (от «младшего» до «главного») и возглавлял Отдел литератур Азии и Африки ИМЛИ. Здесь он подготовил кандидатскую и докторскую диссертации, выпустил подавляющее большинство своих трудов, был избран членом-корреспондентом АН СССР (1987) и действительным членом РАН (2006). С 2005 г. он являлся также профессором Института восточных культур и античности РГГУ, где читал курсы по китайскому фольклору, китайскому классическому роману и источниковедению.

Б.Л. Рифтин был профессором одного из тайваньских университетов, почетным профессором Ляочэнского университета и Синьцзянского педуниверситета (КНР), зарубежным профессором Нанькайского и Шаньдунского университетов (КНР). Он постоянно принимал участие в международных симпозиумах в КНР, на Тайване, в Японии, США, Германии, Чехии, Словакии, выступал с научными докладами и лекциями в Китае, Германии,

Англии, Голландии, Австрии, Вьетнаме, Японии, США и в других странах. Научный авторитет Б.Л. Рифтина чрезвычайно высок. Он был членом многочисленных редколлегий востоковедческих журналов и книжных серий, лауреатом Государственной премии СССР (1990), его деятельность отмечена наградами Тайваня (1993) и КНР (2003, 2007, 2010).

Когда заходила речь об учителях, Борис Львович называл три имени: В.М. Алексеев, В.Я. Пропп, Е.М. Мелетинский.

От замечательного отечественного сиолога, академика В.М. Алексеева, профессора Восточного факультета ЛГУ, студент-китаист усвоил принцип комплексного изучения литературы, фольклора, народного искусства и народных верований; под его влиянием сложилось отношение к китайской литературе не как к изолированному феномену, а как к части мировой литературы, с одной стороны, и словесности дальневосточного ареала — с другой (хотя для синологии такой подход отнюдь не самоочевиден). Впоследствии в своей научной деятельности Борис Львович распространил подобный принцип на исследование мифологических, сказочных и эпических традиций Китая (в частности, обратившись к проблеме миграции индийских сюжетов в дальневосточный регион) и сделал это исследование в полном смысле слова компаративным.

С именем В.М. Алексеева связана и многолетняя деятельность Б.Л. Рифтина как собирателя, исследователя и издателя *няньхуа* — своеобразных китайских лубков на разнообразнейшие фольклорные, театральные и прочие сюжеты. В.М. Алексеев был первым сиологом, увидевшим в простонародных картинках серьезный элемент китайской культуры. Еще в студенческие годы В.М. Алексеев попытался понять смысл попавшейся ему на глаза народной картины из собрания ботаника Комарова, но не преуспел в этом; не смогли или не захотели помочь ему и преподаватели — как русские, так и китайцы. Только оказавшись в Китае, молодой магистрант смог постепенно проникнуть в многозначный мир народных изображений, построенных, как правило, на сочетании различных изобразительных и словесных ребусов. В.М. Алексеев собрал замечательную коллекцию китайских народных картин, но опубликовать их не смог — подобный альбом требовал серьезных денег на издание, а найти их не удалось.

Не удалось напечатать при жизни В.М. Алексеева и почти ничего из написанного им о китайских лубках. Б.Л. Рифтин сделал очень много для того, чтобы через пятнадцать лет после смерти ученого появился сборник его статей. С тех пор Борис Львович не оставлял занятий народными изображениями, сосредоточившись на сюжетах лубочных картин. Он первым в синологии сумел показать, как воплощаются в народном искусстве сюжеты двух романов-эпопей — «Троецарствия» и «Речных заводей», как взаимодействуют письменная литература и народные традиции. В 1991 г. в Пекине был издан подготовленный Б.Л. Рифтиным альбом, в котором не только представлены уникальные лубки, но и сделана фундаментальная попытка классифицировать изображения по типам. Продолжением этой работы стало исследование о связи словесных и изобразительных картин в китайской традиционной словесности.

Как профессиональный фольклорист Б.Л. Рифтин получает подготовку у В.Я. Проппа — также еще в студенческие годы, в течение трех лет (1952–1955) слушая его курсы и занимаясь в его семинаре (на филологическом факультете и на факультете народов Севера ЛГУ). Интерес к фольклору неразрывно связан с интересом к живой устной традиции. И вот, начиная с первого курса и на протяжении ряда лет (1951, 1953, 1954), Б.Л. Рифтин ездит для изучения диалектов разговорного китайского языка в Киргизию к дунганам — китайским мусульманам, относительно недавним выходцам из Китая. Работая в колхозе подручным каменщика, он впервые слышит исполнение сказок и песен, делает свои первые записи сказочных текстов (они положили начало его исследованиям как собственно дунганской, так и китайской сказки). Там же слышит он и сказание о Великой стене, которое впоследствии ляжет в основу его кандидатской диссертации (1961) — в ней по письменным источникам, по фиксациям устной традиции Б.Л. Рифтину удается проследить особенности более чем тысячелетнего развития данного сюжета в его разных жанровых воплощениях, показав тем самым, какие безграничные возможности для изучения истории фольклора дает материал китайской словесности.

До конца жизни В.Я. Пропп внимательно следит за научной деятельностью своего ученика. В отзыве на его докторскую диссертацию он подчеркивает, что автору успешно удалось «уста-

новить закономерности перехода литературной эпопеи, имеющей своим источником фольклор, обратно в устную сказовую традицию», рассмотреть обе направленности движения между фольклором и литературой. Он высоко оценивает мастерство, с которым проанализирована «совокупность всей художественной системы традиционного прозаического сказа, включая формы исполнения (речь, жесты, мимику, интонацию), это мог сделать только живой и вдумчивый слушатель, по книгам этого не сделаешь» (и действительно: в Пекине Б.Л. Рифтин имел счастливую возможность ознакомиться с исполнением народного сказа, так сказать, в естественных условиях). По мнению Владимира Яковлевича, «хорошо раскрыта фактура фольклорных произведений, а именно она в первую очередь определяет успех у слушателей и художественность изложения. Точно и четко показано в работе, как авторский текст переходит в фольклор и что при том получается, очень хорошо говорится о детализации описания в письменном и устном повествовании, об отличии между эпическим и драматическим искусством. Продуманно решается спорный вопрос о взаимоотношении между сказительским текстом, письменной литературой и традиционным фольклором». В.Я. Пропп поддерживает как предложенную Б.Л. Рифтиным методику «сопоставления вариантов китайского прозаического сказа с разбивкой на отдельные действия», так и «введение новых терминов (“узлы”, “интервалы”, “плоскости повествования”».) Можно добавить, что методика Б.Л. Рифтина действительно может быть весьма продуктивно использована в гораздо более широком круге фольклористических исследований.

Примечательно, что зачисляется Борис Львович в ИМЛИ в один день с Е.М. Мелетинским, также оказавшим сильнейшее влияние на молодого востоковеда в его сравнительно-типологических занятиях мифом, сказкой и эпосом. В частности, именно под этим влиянием Б.Л. Рифтин продолжил работу (начатую еще В.М. Жирмунским) по компаративному расширению круга типологически однородных эпических мотивов, вводя в него китайский материал, до того совершенно неосвоенный; для синологии это еще один убедительный опыт включения самобытных традиций Китая в контекст мировой культуры. С другой стороны, Борис Львович впервые в филологии после-

довательно применил к китайскому фольклору аналитические приемы русской фольклористики. Первым в отечественной науке обратился Б.Л. Рифтин и к углубленному исследованию китайской мифологии, причем не только древних традиций, реконструируемых по книжным памятникам, но и к ее живым формам, связанным с современными религиозными культурами (что также раньше не делалось). Результат — монографии, статьи на русском и китайском языках, грандиозные библиографии по данному предмету.

В 1970-е годы Борис Львович много занимался китайскими сюжетами в монгольском фольклоре, прежде всего — синтетическим жанром «книжных сказов» (*бэнсэн улигэр*), причудливо сочетающим в себе стилистические черты монгольского героического эпоса с тематикой китайских историко-авантюрных повествований. Он ездил в монгольские фольклорные экспедиции (1974, 1976, 1978), записывая и изучая уникальные образцы творчества восточномонгольских эпических певцов (*хурчи*).

С 1992 по 1998 г. Б.Л. Рифтин преподавал в университетах Тайваня, читал на китайском языке китайским студентам курсы по китайскому фольклору (один год — также и русскому), китайскому классическому роману и русско-китайским отношениям (до XX в.). Кроме того, он руководил научной программой по собиранию и изучению устных традиций аборигенов Тайваня. Это второй случай в русской науке после Н.А. Невского, еще в 1920-е годы собиравшего фольклор в этих краях. Борис Львович ездил по следам своего знаменитого предшественника, дополняя его наблюдения и отмечая изменения, которые произошли в течение этих семидесяти лет.

Особо надо остановиться на теоретических штудиях Б.Л. Рифтина в сфере китайской и, шире, дальневосточной словесности. В целом ряде его работ делается весьма небезуспешная попытка рассматривать литературы Востока в контексте всемирной литературы, распространить — с соответствующими дополнениями и коррекцией — западные литературоведческие категории на восточный материал, не лишая его оригинальности и самобытности. Так, исследуя проблему жанра в китайской литературе и признавая приемлемость этого понятия для средневековой китайской словесности, Б.Л. Рифтин подчеркивает эффективность собственно китайских механизмов складывания

и оформления жанровых категорий посредством фиксации их в соответствующих антологиях — прозаических и поэтических.

К этому направлению ученой деятельности Б.Л. Рифтина примыкают его работы о переводе с китайского языка на русский известных литературных произведений, главным образом прозаических. Здесь нельзя не выделить масштабную статью, в которой буквально слово за словом разбирается работа академика В.М. Алексеева по воссозданию на русском языке блестящего стиля великого китайского новеллиста Пу Сун-лина (Ляо Чжая); кроме другого русского перевода и перевода на английский для сравнения привлекается перевод и на современный китайский язык. Используя введенные М.Л. Гаспаровым понятия «точности» и «вольности» перевода, Б.Л. Рифтин убедительно свидетельствует о высочайшем мастерстве В.М. Алексеева — создателя особого языка для возможно более полной передачи стилистической многослойности и лексического изобилия китайского оригинала.

Необходимо, наконец, упомянуть об удивительной способности Бориса Львовича находить в разных библиотеках мира неизвестные исследователям образцы художественной словесности старого Китая. Об этих находках расскажут такие публикации Б.Л. Рифтина, как «Дополнения к каталогам китайских романов и произведений протонародной литературы», «Каталог печатных изданий протонародной литературы провинции Гуандун из собраний России». В Санкт-Петербурге он отыскал рукопись великого романа «Сон в Красном тереме», в Москве — рукопись несохранившегося в Китае старинного романа «Гу ван янь» («Хотите — верьте, хотите — нет»). Не случайно вокруг имени Б.Л. Рифтина — книжного археолога слагались легенды. Говорят, однажды, беседуя с директором Пекинской библиотеки в его кабинете, он заметил, что под ножку старинного книжного шкафа для устойчивости подложена стопка бумаг с иероглифами. Приглядевшись, Б.Л. Рифтин настоятельно попросил у хозяина разрешения посмотреть на бумаги, а когда, уступая упорству гостя, шкаф приподняли, оказалось, что устойчивость ему придавал старинный, никому не известный ксилограф. Что ж, порой легенда говорит о человеке больше, чем самая правдивая история.

Если отвлечься от того огромного значения, которое труды Б.Л. Рифтина имеют для китаеведения (шире — для изучения

словесности всего дальневосточного региона), и кратко резюмировать уникальный исследовательский опыт ученого, то следует признать следующее: современное исследование устной и книжной словесности достигает тем больших успехов, чем эффективнее используются методы сравнительного и типологического анализа. В книгохранилищах и архивах, в дунганской деревне и в павильоне пекинского сказителя, в монгольских степях и у аборигенов Тайваня Борис Львович всегда оставался верен сравнительному и типологическому методам, рассматривая каждое явление не только в его своеобразии, но также в широком контексте мировой литературы и мировой культуры.

Была одна важная область деятельности ученого, в которой Б.Л. Рифтин десятилетиями преуспевал до обидного мало, — преподавание, или, говоря возвышенно, воспитание научной смены. Это тем более досадно, что каждый, кто когда-нибудь обращался к Рифтину за научной консультацией (а это, без преувеличения, практически все действующие наши китаеведы!), помнит, сколь безотказен и самоотвержен бывал он в поисках ответов на любой профессиональный вопрос, как часами возился с безвестным студентом или помогал маститому коллеге. В Рифтине чувствовался прирожденный наставник, и отсутствие учеников, способных воспринять от него бездну синологической премудрости, огорчало не только его самого.

Эту вопиющую несправедливость удалось отчасти исправить, увы, только ближе к концу жизненного пути ученого. Когда в нашем тогдашнем Институте восточных культур и античности открылась специализация по китаеведению, пригласить преподавать Б.Л. Рифтина было поистине делом чести. Согласился он с присущей ему благородной простотой, не кокетничал занятостью, не ссыался на годы (и вправду немалые!), даже зарплатой не поинтересовался. Начал приезжать и читать лекции. Сначала первокурсникам «Введение в синологию» (кстати, единственный курс, который сам успел прослушать у великого Алексеева), раздел «Словари и справочники». Нужно было видеть, как ранним утром маститый ученый спешит к университетскому подъезду с тяжеленным рюкзаком книг. «А как же иначе, нужно, чтобы студенты с самого начала привыкали к словарям, знали, где что искать», — неизменно уверял он молодых коллег.

Повзрослевшим студентам-китаистам академик Б.Л. Рифтин начал читать курс китайского фольклора. Мы, преподаватели, прекрасно понимали, как несказанно повезло нашим подопечным: профессор обладал обширными, уникальными познаниями в предмете. Хочется думать, они оценили не только выдающуюся синологическую эрудицию лектора, но и доброту Бориса Львовича, его нечиновность, доступность, старомодную его учтивость и уходящую, к сожалению, из преподавательского обихода пунктуальность.

В память такого человека и ученого Институт классического Востока и античности НИУ ВШЭ и начал проводить Рифтинские чтения, которым, как и трудам Б.Л. Рифтина, суждена, надеемся, долгая жизнь.

Вклад академика Б.Л. Рифтина в развитие на Тайване типологических фольклористических исследований и синологии

Тан Мэн Вэй

В этой статье рассматривается научная деятельность Б.Л. Рифтина на Тайване, в том числе отмечается его неоценимый вклад в типологические исследования мифологии коренных народов Тайваня, а также китайских легенд о Гуань-гуне. Кроме того, чтобы восстановить исследовательский путь Б.Л. Рифтина, мы обратимся к воспоминаниям его тайваньских коллег. В заключительной части обобщаются результаты его исследовательской работы, уточняется значение его деятельности в развитии синологии на Тайване.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Б.Л. Рифтин, синология, российское китаеведение, тайваньские исследования, коренные народы Тайваня, типологические исследования фольклора.

Выдающийся российский и советский китаевед, академик В.М. Алексеев (1881–1951) говорил: «Если человек, исследующий иностранную культуру, сможет получить признание от страны изучаемой культуры, для него это будет большая честь». В этом Б.Л. Рифтин (1932–2012) похож на своего учителя, академика В.М. Алексеева, труды которого высоко оценило китайское научное сообщество.

В 1991 г. Б.Л. Рифтин по приглашению Тамканского университета прибыл с коротким визитом на Тайвань. Он стал одним из первых российских китаеведов, посетивших остров после распада СССР. С 1992 по 1998 г. Борис Львович, занимая должность приглашенного профессора в Государственном уни-

верситете Цинхуа и католическом университете Провиденс, провел несколько экспедиций для сбора материала по фольклору аборигенов Тайваня. В начале XXI в. он периодически возвращался на Формозу с циклом лекций, а также для участия в конференциях. Последний его визит должен был состояться в 2012 г. по приглашению Государственного университета Чэнгун, но, к сожалению, незадолго до этого ученый скончался.

Наибольший вклад академик Б.Л. Рифтин внес в типологические исследования фольклора коренных народов острова. В своих трудах ученый опирался на работу советского лингвиста Н.А. Невского «Словарь языка тайваньской народности цоу». Для того чтобы перевести эту уникальную книгу на китайский язык, Б.Л. Рифтин отправился к коренным народам Тайваня, живущим в горной местности («гаошань було», или «горные народности»). Особый научный интерес для академика представляли мифы и предания этих народов, для изучения которых Б.Л. Рифтин провел серию полевых исследований. Результатом его многолетних научных изысканий стала книга «Мифы и рассказы о злых духах: сравнительное исследование мифов и сказок аборигенов Тайваня» [Рифтин, 1998]. Позднее, в 2006 г., Б.Л. Рифтин рассказал о методологической специфике и научной новизне этого труда: «Метод написания этой книги отличается от методов, которыми пользуются ученые из других стран. Я провел сравнительное исследование народных сказаний тайваньских коренных народностей с устным фольклором народов, проживающих на территории Китая» [Головачёв, 2018, с. 289]. Как верно отметил сам автор труда, им были проведены параллели не только между произведениями устного народного творчества коренных народов Тайваня и Китая, но и между мифами и преданиями тайваньских народностей и фольклором других народов мира. Более того, академиком Б.Л. Рифтиным была предпринята попытка на основе фольклористических данных реконструировать направления исторической миграции этносов на остров и выявить возможные истоки происхождения (т.е. этногенез) коренных народов Тайваня.

Для типологического исследования он выбрал сказание о подстреленном солнце — традиционное предание народностей бунун и атаял. В Китае этот сюжет обрел форму «Сказания о стрелке И, подстрелившем лишнее солнце». Хотя похожие мо-

тивы Б.Л. Рифтин нашел и в фольклоре монголов, коренных жителей Америки и бурят в России, он в то же время выявил, что сюжет с героями, уничтожавшими лишние светила на небе, встречается только в традиционных сказаниях народов Восточной и Юго-Восточной Азии [Рифтин, 1998, с. 146]. Помимо сказаний о подстреленном солнце, академик сравнил мифы и предания «о потере письменности», о женщинах-вождях, об исполинах и духах, существующие в фольклоре коренных народов Тайваня и других народов мира. В таком широком типологическом аспекте фольклор тайваньских коренных народов впервые был рассмотрен именно Б.Л. Рифтиным.

В 2016 г. в Государственном университете Чжэнчжи на Тайване диссертацию «Исследование мифов российским синологом Рифтиным» защитила магистрант Института российских исследований Гэ Цяо-юань, которая провела ряд интервью с коллегами и помощниками академика Б.Л. Рифтина. Автор диссертации пишет о профессоре Пу Чжун-чэне (ныне — директор Института изучения коренных народностей университета Дунхуа, представитель народности *цзоу*), который в 1990-х годах и познакомил Б.Л. Рифтина с коренными народами Тайваня. Профессор Пу Чжун-чэнь рассказал, что в тот период научное сообщество Тайваня только начало исследования культур коренных народов острова в антропологическом, этнографическом, социологическом и лингвистическом аспектах, но до Б.Л. Рифтина никто не проводил полевые исследования среди горных коренных народов Тайваня для сбора типологического материала об их мифах и преданиях. Б.Л. Рифтин продолжил советскую научную традицию, начав масштабное исследование со сбора первоисточников и закончив анализом сюжетных и мотивных деталей в собранных произведениях устного творчества. Он провел сравнительный анализ обширного собранного материала на основе им же сформулированной теоретической концепции исследования. Можно сказать, что он был первопроходцем в тайваньской фольклористической среде [Гэ, 2016, с. 171].

На Тайване академик также продолжил изучение классических китайских текстов, в частности одного из важнейших произведений китайской классической литературы — «Троецарствия». Результатами своих исследований, такими как системы персонажей романа, мотивы поклонения богу войны

Гуань-гуну, Б.Л. Рифтин делился со студентами университета Цинхуа, в котором читал курс по этому роману. Впоследствии он выпустил книгу на китайском языке «Предания о Гуань-гуне и роман “Троецарствие”» [Рифтин, 1997], прекрасный стиль и исследовательская ценность которой покорили его тайваньских коллег.

Стоит также особо отметить, что на тот момент Б.Л. Рифтину было больше 60 лет, но его, уроженца холодных краев, не пугали ни местная жара, ни влажность, его дух и стойкость завоевали большое уважение со стороны многих тайваньцев. Их также восхищали серьезное отношение к работе и дисциплинированность академика. Во время горных экспедиций его рабочий день начинался ровно в 8 часов утра и заканчивался в 9 часов вечера. Каждый час он уделял 10 минут отдыху, а в обеденное время отдыхал один час. Ни в коем случае нельзя было нарушать его график работы [Гэ, 2016, с. 170]. Помощница Б.Л. Рифтина по проекту Государственного комитета по науке Тайваня госпожа Чэнь Су-чжу вспоминает, что во время работы в университете Цинхуа Б.Л. Рифтин каждое утро направлялся в библиотеку. Во время обеденного перерыва, если Борис Львович встречался с другими преподавателями, то он обязательно подходил и вежливо задавал интересующие его вопросы, несмотря на то что большинство из коллег были намного младше его [Там же, с. 201]. Профессор Пу Чжун-чэн рассказал, что представители некоторых горных народов Тайваня известны, к сожалению, своим пристрастием к спиртным напиткам, но Б.Л. Рифтин не нарушал этический кодекс настоящего исследователя [Там же, с. 169]. На Тайване, помимо полевых исследований и чтения лекций, академика волновали также вопросы, касающиеся издания научных трудов.

Совсем немного внимания он уделял своей ежедневной жизни, в частности ее материальной составляющей. Борис Львович приехал на Тайвань сразу после распада Советского Союза и стал одним из первых на острове людей из-за «железного занавеса». Госпожа Чэнь также рассказала, что академик, как и очень многие советские граждане, во время перестройки потерял почти все свое состояние, хранившееся в государственном банке. На Тайване он вел довольно простой образ жизни, в которой практически не было развлечений, кроме занятия наукой.

Его единственным и весьма своеобразным «хобби», по воспоминаниям Чэнь, было ожидание в очередях, причем ему было совершенно безразлично, за чем были эти очереди. Он объяснял своим тайваньским коллегам любовь к очередям советским прошлым, ведь в Советском Союзе, в отличие от Тайваня, для покупок почти всего требовалось отстоять длинную очередь. Поскольку очереди на Тайване встречались довольно редко, когда он их видел, обязательно в них вставал, будучи неспособным оставить старую привычку. Конечно, тогда, в условиях сложной международной политической обстановки, тайваньские спецслужбы первое время следили за деятельностью российского ученого. Но, обнаружив, что он ведет простую жизнь, они вскоре прекратили слежку [Гэ, 2016, с. 202].

В 2011 г. Б.Л. Рифтин дал интервью журналу «Тайваньская панорама», в котором изложил свои впечатления от первого посещения Тайваня и последующего пребывания на острове: «Когда в 1991 г. я получил приглашение от Даньцзянского университета приехать с коротким визитом для чтения лекций, я, как и все россияне, практически ничего не знал о современном Тайване. Я стал думать о том, на что похож Тайвань, — на Гонконг или на континентальный Китай. Оказалось, ни на то, ни на другое. У Тайваня свое лицо. Многое от традиционного китайского общества, но одновременно и новейшая компьютерная техника. <...> Я приехал второй раз в 1992 г. и пробыл на острове шесть лет в качестве профессора нескольких университетов, читая тайваньским студентам курс китайского фольклора и руководя научной программой “Сбор и сравнительное изучение фольклора аборигенов Тайваня”. Я ездил по горам и записывал чрезвычайно архаические мифы и предания, знакомился с бытом и верованиями. Так я увидел жизнь не только тайваньских китайцев, но и народов *цоу*, *бунун*, *тайя* и некоторых других, перешедших теперь к современной жизни. <...> Я часто с удовольствием вспоминаю свою тайваньскую жизнь. За проведенные на острове годы я повидал много интересного, познакомился со многими приятными и умными людьми и, благодаря хорошей организации научной работы и прекрасным библиотекам, особенно в университете Цинхуа и Академии Синика, написал столько научных работ, сколько никогда не писал раньше» [Тайваньская панорама, 2011, с. 36].

В заключение мы можем сказать, что академик Б.Л. Рифтин за шесть лет пребывания на Тайване провел огромную научную работу, которая ценна для развития не только российской синологии и общих типологических исследований фольклора, но и для тайваньской науки в целом, в том числе для истории гуманитарных исследований, истории российского китаеведения, изучения судеб работавших в России и на Тайване советских ученых, стойко переживших сложные годы перестройки и не оставивших науку. Открытость и серьезный подход Б.Л. Рифтина к исследованиям помнят все, кого научная судьба свела с ним, а сам Б.Л. Рифтин стал примером настоящего ученого для последующих поколений.

Источники и литература

Гэ Цяо-юань. Элосы ханьсюэцзя Лифуцин дэ шэньхуа янцзю [Исследование мифов российским синологом Рифтиным]: дис. ... магистра филол. наук. Тайбэй: Гос. ун-т Чжэнчжи, 2016.

Рифтин Б.Л. Гуань-гун чуаньшо юй «Саньго яньи» [Предания о Гуань-гуне и роман «Троецарствие»]. Тайбэй: Изд-во Ханьян, 1997.

Рифтин Б.Л. Цун шэньхуа дао гуйхуа: Тайвань юаньчжуминь шэньхуа гуши бицзяо яньцзю [Мифы и рассказы о злых духах: сравнительное исследование мифов и сказок аборигенов Тайваня]. Тайчжун: Изд-во Чэньсин, 1998.

Российское китаеведение — устная история: сб. интервью с ведущими российскими китаеводами XX–XXI вв.: в 3 т. Т. 3 / отв. ред. В.Ц. Головачёв. М.: Институт востоковедения РАН, 2018.

«Тайваньская панорама» выходит в свет в 100-й раз! // Тайваньская панорама. Тайбэй: Изд-во Гуанхуа, 2011. № 1. С. 36.